

К-642 л.к

138138

V.N. Karazin Kharkiv National University

00610205

6

28
10

28. II.

1090

29

~~XVII 99~~

ЛЕГЕНДЫ КРЫМА.

Two

~~28. II~~
1090

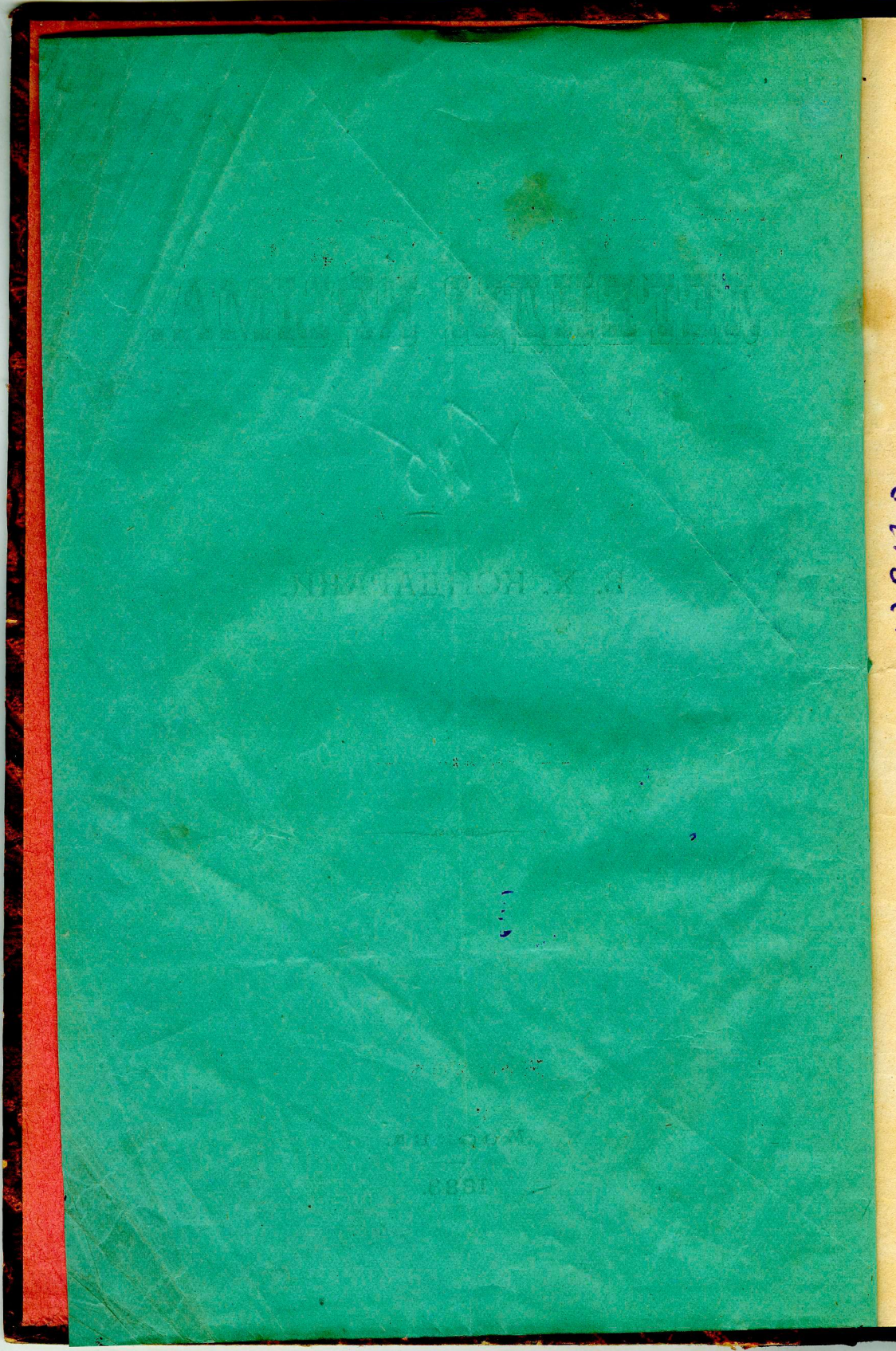
В. Х. КОНДАРАКИ.

1349(28)

МОСКВА.

1883.

проверено
ИДБ 1939

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

L. S. OSGOOD

1885

K-642-мк

ЛЕГЕНДЫ КРЫМА.

~~1349(28)~~

~~1834~~

В. Х. КОНДАРАКИ.

МОСКВА.

Типографія В. В. Чичерина, Моховал, домъ Карзинкина, № 26.

1883

ДЕТЕНЫ КРЫМА.

В. Х. НОНДАЧАН

Дозволено цензурою. Москва. 27 Октября 1882 года.

3881

Предисловіе.

Въ прибережной полосѣ Крымскаго полуострова нѣтъ ни одной деревни, ни одной развалины и ни единаго причудливой формы камня, о которыхъ не сложили-бы туземцы легендарнаго разсказа съ цѣлью назиданія потомства; но чтобы разсказамъ этимъ придать болѣе интереса, они относили ихъ къ предметамъ очевиднымъ и повидимому старались подтверждать вымыслы свои явными доказательствами.

Нѣкоторыя изъ легендъ этихъ мы привели въ „Универсальномъ описаніи Крыма“ остальные-же предлагаемъ въ настоящее время.

ОПУКЪ-КАЯ

или

Снала Удодовъ.

Въ Карасубазарѣ до Крымской войны не существовало ни одной гостинницы для прїѣзжихъ и всѣмъ приходилось останавливаться на постоялыхъ дворахъ, содержимыхъ татарами. Отдѣльными номерами были такія лачушки, въ которыхъ только помѣщалась узенькая койка и грязный не крашенный столикъ съ жестянымъ подсвѣчникомъ, всецѣло замазаннымъ потеками отъ сальной свѣчи мѣстной фабрикаціи *). Въ лѣтнее время естественно проѣзжіи не оставались въ нихъ ни одной минуты безъ крайней необходимости, но когда было холодно на воздухъ и грязно на улицѣ, приходилось поневолѣ искать развлеченія въ общей комнатѣ заѣзжаго двора, которая была довольно велика, сравнительно чиста и обыкновенно величалась кофейнею.

Однажды, проѣзжая чрезъ этотъ патриархальный городокъ, гдѣ продолжали, наперекоръ цѣлой Россіи, считать деньги на ассигнаціи и продавать всѣ жизненные продукты въ четыре раза дешевле противъ другихъ городовъ Крыма, я такъ неловко соскочилъ съ фургона **), что вынужденъ былъ прибѣгнуть къ костоправу и оставаться безъ сотрясенія въ продолженіи трехъ сутокъ. Ужасное положеніе! Не знай я туземныхъ нарѣчій и не рѣшился съ утра до поздней ночи сидѣть въ кофейнѣ—пришлось бы задохнуться въ мизерномъ номерѣ и съ ума сходить отъ скуки.

Къ удовольствію моему фамилья моя хорошо была извѣстна болтливому содержателю заѣзжаго двора и онъ всегда приглашалъ меня сидѣть около себя на почетномъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно находились лучшіе мѣстные представители купеческаго и земледѣльческаго сословія. Мнѣ, какъ интересующемуся мѣстными преданіями, естественно было очень удобно такое положеніе только потому, что я имѣлъ возможность, какъ-бы случайно, касаться предметовъ, о которыхъ почтенные люди не считаютъ прилич-

*) Въ то блаженное время въ Крыму не извѣстны были стеариновые свѣчи.

**) Фургоны и теперь существуютъ на этомъ трактѣ. Цѣль ихъ перевозка пассажировъ по вольной цѣнѣ. Въ былое время, когда почтовые лошади давались по подорожнымъ бланкамъ и не было другихъ средствъ для переезда, они считались крымскими почтовыми каретами.

нымъ говорить публично и особенно съ взрослыми людьми, изъ боязни, чтобы имъ не приписали женскихъ наклонностей.

Въ первый-же день посѣщенія кофейни я какъ-то невольно остановилъ вниманіе на маленькомъ татаринѣ пожилыхъ лѣтъ, прибывшемъ изъ подъ Керчи и ѣхавшемъ въ Симферополь по какому-то судебнымъ дѣламъ. Онъ такъ много говорилъ о прошломъ изобиліи своей мѣстности и нѣкоторыхъ важныхъ событіяхъ, повліявшихъ на экономическій бытъ своей мѣстности, что всѣ слушали его съ большимъ вниманіемъ и раздѣляли его убѣжденія.

Узнавъ отъ хозяина, что я изъ Симферополя, этотъ человѣчикъ зашелъ въ мою *оду* (комнату) вечеромъ съ просьбою рекомендовать ему кого-либо изъ добросовѣстныхъ адвокатовъ, которому онъ могъ-бы довѣрить свой искъ. Покончивъ этотъ разговоръ, я поставилъ предъ гостемъ моимъ стаканъ чаю и началъ стороною заводить рѣчь о блистательномъ состояніи Керченскаго полуострова въ древности.

— Этого мы не знаемъ—отвѣчалъ отатарившійся погаецъ—но надо полагать, что это отчасти справедливо, если принять во вниманіе слѣды довольно значительныхъ укрѣпленныхъ городовъ и сказочные рассказы нашихъ старушекъ, безъ сомнѣнія придуманныя прародительницами ихъ для развлеченія внучекъ въ длинныя зимнія ночи.

— А ты гдѣ именно родился?

— Моя деревня около извѣстной Опукъ-каи. Сосѣдство не совсемъ пріятное, потому что болѣе отдаленные поселане придумали называть насъ удодами т. е. названіемъ этой скалы. Многіе сердятся за эти шутки и нерѣдко возбуждаются драки, доходящія до жалобъ.

— Что же тутъ оскорбительнаго?

— Ничего; но согласитесь сами, если за вами бѣгутъ мальчишки и кричатъ *ку-ку!* ку-ку! то это не совсемъ пріятно.

— Чего-же ради или какія причины послужили этому поводомъ?

— Причинъ никакихъ не могло быть, но эти безобразныя старыя вѣдьмы, чтобы показать себя всезнающими, выдумали такую небылицу, которую стыдно повторять людямъ разумнымъ.

— Что-же онѣ выдумали? спросилъ я съ улыбкою, чтобы не возбудить въ рассказчикѣ подозрѣнія, что я интересуюсь такою ничтожностію.

— Право не стоитъ говорить, чтобы не портить аппетита на чай, который я пью въ третій разъ со дня рожденія моего и нахожу очень вкуснымъ.

— Напитокъ этотъ дѣлается еще вкуснѣе, когда его глотаютъ съ разстановками; а это удобнѣе дѣлается при разговорѣ.

Татаринъ набилъ свою трубку, раскурилъ ее и, заливъ глоткомъ чая, началъ легенду свою слѣдующимъ образомъ:

— Вамъ вѣроятно не разъ приходилось видѣть удодовъ и убѣдиться своими глазами, что ни одна изъ крымскихъ птицъ не украшена такими прелестными перьями. Въ своемъ нарядѣ, она

по разсказамъ нашихъ бабушекъ, походить на самовластную царицу съ короною на головѣ. По ихъ мнѣнію такъ будто одѣвались цари въ давно прошедшія времена. Надо полагать, что это такая-же выдумка, какъ и все остальное, но дѣло не въ этомъ. Въ той мѣстности, гдѣ въ настоящее время стоитъ Опукъ-кая, было довольно большое и богатое поселеніе кроткихъ и богобоязливыхъ людей, которые не иначе пробуждались какъ съ молитвою на устахъ и считали за ужаснѣйшій грѣхъ оскорбить кого-либо словомъ или дѣломъ. При такомъ направленіи понятно, что они не нуждались ни въ какихъ властяхъ и жили, какъ въ раю. Тѣмъ временемъ невдали отъ селенія этого разбитъ былъ морскими волнами какой-то чужеземный корабль и изъ числа избавившихся пловцовъ двѣ женщины явились къ добросердечнымъ поселянамъ съ просьбою принять ихъ и пріютить у себя. Обѣ онѣ были очень красивы лицомъ и станомъ и настолько умны, что возбудили къ себѣ искреннее сочувствіе. Жители Опука немедленно принялись за работу и въ нѣсколько дней выстроили имъ домъ со всѣми принадлежностями, подарили по одной овцѣ и стали заботиться о чужестранкахъ, какъ о родныхъ дочеряхъ. Старшую изъ нихъ звали О, а младшую Пука, а такъ какъ онѣ жили не разлучно и пользовались въ одинаковой степени народною симпатіею, то ихъ не иначе именovali, какъ однимъ названіемъ Опукъ. Дѣвушки эти, проживъ нѣсколько мѣсяцевъ тихо и спокойно, вzakлюченіе начали задаваться мыслию господства надъ тѣми, кто ихъ пріютилъ и далъ средства къ жизни. Идея эта съ каждымъ днемъ все больше и больше увлекала ихъ и онѣ начали мало по малу приводить ее въ исполненіе вмѣшательствомъ въ семейныя дѣла, затѣмъ перенесли свои распоряженія на устройство общины и въ концѣ концовъ создали себѣ стражу и образовали жестокихъ слугъ, которые начали варварски обращаться съ кроткими и набожными жителями. Достигнувши всего этого, онѣ начали одѣваться въ фередже (въ мантии) такихъ яркихъ цвѣтовъ, которыми владѣютъ въ настоящее время удоы и въ отличіе отъ другихъ надѣли на головы особеннаго рода гребни (короны). Все это не изумляло простосердечныхъ людей и они какъ-то безсознательно отдались въ зависимость иностранокъ. Господство это навѣрно не прекратилось бы никогда, еслибъ О и Пука не задумали выставить на площади двухъ каменныхъ изображеній своихъ и требовать, чтобы имъ воздавались божескія почести. Тутъ только народъ пробудился отъ усыпленія своего и началъ роптать и волноваться, но чужеземки приказали дѣйствовать силою и боями, а чтобы успѣшнѣе достигнуть цѣли, приказали соорудить себѣ около статуй возвышенные троны, на которые ежедневно восходили и любовались вынужденнымъ колѣнопреклоненіемъ народа. Насиліе это приняло такіе размѣры, что несчастьемъ ничего болѣе не оставалось, какъ только выселиться изъ роднаго селенія и искать пріюта у сосѣднихъ народовъ, но видно Богъ, которому они поклонялись и любили въ душѣ, сжалился

надъ ними и послать въ лицѣ одного нищаго не только избавителя, но даже карателя неблагодарныхъ.

— Когда васъ снова потребуютъ къ жертвоприношеніямъ? спросилъ онъ.

— Когда послѣдуетъ новолуніе—отвѣчали безропотные граждане.

— Хорошо, я въ этотъ день явлюсь къ вамъ и вы будете избавлены навсегда отъ злыхъ существъ.

Въ указанное время властолюбивыя дѣвушки въ своихъ царскихъ нарядахъ вышли на площадь и на этотъ разъ потребовали, чтобы всѣ жители съ дѣтьми явились отпраздновать годовщину восшествія ихъ на престолъ. Требованіе было исполнено безъ малѣйшаго возраженія, но предварительно начатія жертвоприношенія животныхъ О и Пука обратились къ подданнымъ съ вопросомъ: кто изъ нихъ пожертвуетъ собою для прославленія ихъ имени?

При этихъ словахъ всѣ вздрогнули и окаменѣли отъ ужаса.

— Въ такомъ случаѣ намъ придется бросить жребій—сказала старшая и приказала, чтобы всѣ молодые люди отдѣлились отъ пожилыхъ.

Вмѣсто одной жертвы мы возьмемъ двѣ.

— Въ эту ужасную минуту къ ступенямъ трона подошелъ тотъ нищій, который обѣщалъ освободить несчастныхъ гражданъ отъ незваныхъ повелительницъ. Снявъ съ плечъ своихъ торбу, онъ произнесъ громкимъ голосомъ:

— Ничтожныя чужестранки, мы дали вамъ пріютъ и насущное пропитаніе, а вы зазнались до того, что захотѣли сдѣлать насъ всѣхъ рабами своими. Достигнувъ этого, вы заставили насъ поклоняться своимъ изображеніямъ и считать своимъ божествомъ, а въ заключеніе требуете нашей крови. Неблагодарныя! вы вообразили, что терпѣнію нашему не будетъ предѣла и что между нами не найдется никого, кто-бы наказалъ васъ въ примѣръ будущимъ поколѣніямъ. Ошибаетесь дерзкія! „Затѣмъ онъ повернулся къ согражданамъ своимъ и спросилъ: какому наказанію они пожелали-бы подвергнуть дерзновенныхъ?

— Дѣлай съ ними все что хочешь—отвѣчалъ народъ—мы только просимъ избавить насъ отъ самовольно присвоенной власти.

— Слышите гласъ народа? крикнулъ факирь.

— Это ничтожное жужжаніе комарей—отвѣчали дѣвушки—а вы ихъ дерзкій представитель сейчасъ испытаетъ наше могущество. Эй, воины, покажите на немъ примѣръ нашей строгости!

— Не смѣйте трогаться съ мѣста! закричалъ нищій—иначе и вы погибнете отъ единого мановенія моей руки. Сказавъ это онъ поднялъ палецъ къ небу и громогласно произнесъ: заклинаю васъ неблагодарныя твари чужой земли сію же минуту превратиться въ птицъ, которыя сохранили-бы сходство съ вами, но прикосновеніе къ которымъ считалось-бы омерзеніемъ для человѣка. Трѣнь-же, воздвигнутый вами, да превратится въ скалу и гнѣзда гадинъ. Этого мало, да будетъ отнынѣ нашимъ закономъ убивать всѣхъ иностранцевъ, которые выйдутъ на наши земли!

Только что были окончены эти слова, какъ заколыхалась земля и, предъ раступившимся народомъ, выдвинулась высокая гора, на вершинѣ которой оказались двѣ птицы въ перьяхъ цвѣта мантій, носимыхъ дерзкими иностранками и съ такими-же гребнями на головахъ. Птицы эти, прижавшись другъ къ другу, неистово кричали: „О,—пу! О,—пу!“ т. е. выкрикивали свои имена, но мальчишки, не понявъ значенія этихъ звуковъ, отвѣчали имъ: „ку—ку!“

Съ того времени скала эта на память поколѣній получила названіе Опукъ-каи и тамъ постоянно живутъ два удода, какъ-бы для того, чтобы поддерживать въ народѣ воспоминаніе о давно совершившемся событіи“.

Разсказикъ допилъ свой чай и, улыбаясь, сказалъ: надо-же было выдумать такую небылицу. Сказано бабы! Чего онѣ не придумаютъ, чтобы занять своихъ дѣтей. Спасибо вамъ за чай. Этотъ напитокъ несравненно пріятнѣ нашей сладкой бузы. Жаль что наши женщины не имѣютъ возможности ознакомиться съ его приготовленіемъ. Это было-бы по выгоднѣ ихъ сказокъ.

Я не замедлил налить гостю моему второй стаканъ, въ надеждѣ вымануть у него еще какое-нибудь мнѣическое преданіе, относящееся къ Керченскому полуострову, которыхъ навѣрно существуетъ у татаръ безчетное множество, но которыя къ сожалѣнію достаются только на долю дѣтей преимущественно женскаго пола.

— Ну, а скажи мнѣ пожалуйста—спросилъ я—что разсказываютъ ваши бабы о развалинахъ извѣстныхъ подъ именемъ Узунъ-калеси при деревнѣ Казантипъ?

— Такой-же вздоръ и небылицы, какъ и всѣ ихъ сказки. Увѣряю васъ, что намъ неприлично ихъ повторять.

— Да вѣдь мы теперь сидимъ безъ всякаго занятія. Все лучше болтать пустяки, чѣмъ молча сидѣть.

— Въ этомъ отношеніи вы пожалуй правы.

Нѣсколько минутъ спустя я добился таки, что Самій-бай разсказалъ мнѣ еще двѣ легенды безъ всякаго конечно предположенія, что я стану записывать ихъ.

Длиная крѣпость.

Подъ этимъ названіемъ на татарскомъ языкѣ, какъ сказано было раньше, существуетъ на берегу Азовскаго моря при деревнѣ Казантипъ, развалины небольшого древняго городка, о которомъ исторія не сохранила намъ ни какихъ намековъ. Если же существовали о немъ преданія у туземцевъ, то преданія эти безъ сомнѣнія исчезли послѣ окончательнаго погрома Пантикапеи и замѣнились вновь вымышленными.

Мы довольны были-бы, еслибъ въ разсказѣ Самій-бая была хоть частичка справедливости, хотя и убѣждены, что въ легендахъ она не представляетъ существеннаго достоинства.

„Наши старухи говорятъ, что въ давно минувшія времена кер-

ченская степь такъ изобиловала хлѣбнымъ зерномъ, какъ ни одна страна въ мірѣ; что въ хлѣбныхъ нивахъ нельзя было замѣтить табуна лошадей и стада коровъ и что собираемый хлѣбъ не знали куда дѣвать и сбывали его за ничтожныя деньги иностраннымъ мореходцамъ. Вотъ въ это благодатное время одинъ изъ обогатившихся рыбнымъ промысломъ, задумалъ приобрести всѣ сокровища міра и съ этою цѣлью явился къ мѣсту, нынѣ называемому Узунъ-калеси, и приказалъ воздвигнуть постройку такой высоты и длины, которая могла-бы вмѣстить въ себя столько хлѣбнаго зерна, сколько потребовалось-бы на содержаніе людей всѣхъ извѣстныхъ ему городовъ и царствъ.

Понятно, что для такого зданія нужны были тысячи рукъ и тысячи животныхъ для доставки матерьяловъ, но строителю это ничего не значило, такъ какъ въ сундукахъ его лежало много лѣтъ въ большихъ массахъ приобретенное имъ золото, которое онъ не одолжалъ никому изъ боязни лишиться, а между тѣмъ ропталъ на судьбу, что состояніе его далеко не достигло до такой степени, которая была желательна ненасытному глазу.

— Для чего ты издерживаешь такъ много золота—спрашивали его тѣ, кто видѣлъ его расходы. Какую пользу тебѣ можетъ принести зданіе, построенное вдали отъ людей?

— Я намѣренъ перенести туда мои рыбныя склады—отвѣчалъ онъ нехоти.

— Отчего-же ты не принесъ предварительно на этомъ мѣстѣ жертвоприношенія и не пригласилъ насъ на молитву, освящающую всякое предпріятіе?

— Оттого, что нынѣ животныя даромъ не даются, а мнѣ не возвратятъ добрые люди того, что я издержу на ихъ угощенія.

— Неужели ты не вѣришь, что Богъ вознаграждаетъ десятирицею все, данное нами во славу имени его? говорили третіе.

— Нѣтъ я въ это не вѣрю и смѣюсь надъ тѣми, которые рассказываютъ это съ цѣлью пообѣдать и напиться пьянымъ на чужой счетъ.

Тѣмъ временемъ зданіе быстро росло и въ заключеніе приняло такіе поражающіе размѣры, что многіе пріѣзжали изъ отдаленныхъ мѣстъ посмотреть на неестественную величину его.

Однажды къ строителю подошелъ чрезвычайно старый челоувѣкъ и, послѣ обыкновеннаго привѣтствія, спросилъ съ какою цѣлью строится это зданіе?

— Я рассказалъ-бы тебѣ старикъ—отвѣчалъ хозяинъ—но я такъ обезсиленъ сегодня голодомъ, что не имѣю силы говорить.

— Бѣдняжка, видно господинъ, воздвигающій въ одной постройкѣ цѣлый городъ, не располагаетъ лишнимъ кускомъ хлѣба, чтобы насытить вѣрнаго слугу своего. Изволь-же поѣсть моего. Сказавъ это, факиръ открылъ предъ нимъ суму свою и предоставилъ выбрать изъ нея все приходящееся по вкусу голодающаго.

Насытившись, хозяинъ постройки началъ благодарить добраго факира.

— Не благодари меня — отвѣчалъ онъ — потому что рано или поздно я потребую отъ тебя такого-же ничтожнаго одолженія. Мы люди безпрестанно имѣемъ нужды одинъ въ другомъ и противъ ожиданія встрѣчаемся. Ну, теперь потрудишься удовлетворить моему любопытству.

— Если тебѣ извѣстенъ главный рыболовъ керченскаго богаза (пролива) — началъ хозяинъ — котораго всѣ именуютъ Золотымъ слонѣмъ, то мнѣ достаточно сказать, кто строить это зданіе.

— Я очень много слышалъ о Золотомъ слонѣ, но никогда не видѣлъ его — отвѣчалъ факиръ. Однако что ему за надобность удалиться на это ни къмъ необитаемое побережье?

— У хозяина моего великая цѣль. Во первыхъ завладѣть всѣмъ этимъ берегомъ моря, который иногда представляетъ богатые уловы рыбы, но главнѣе основать на берегу моря житницу, въ которую скоплять хлѣбное зерно въ тѣ годы, когда оно будетъ отдаваться ему по ничтожной оцѣнкѣ въ замѣнъ рыбы. Зерно это онъ намѣренъ хранить до того времени, пока настанетъ повсемѣстный неурожай и тогда продать его въ сотню разъ дороже, чтобы разомъ сдѣлаться самымъ богатѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

— А знаетъ-ли онъ навѣрно, что выпадетъ такой несчастный для всѣхъ годъ въ продолженіи его жизни?

— Онъ говорить, что дважды былъ уже свидѣтелемъ такого событія.

— Ну, это еще не даетъ права вѣрить, что бѣдствіе повторится и въ третій разъ прежде, чѣмъ онъ умретъ.

— Хозяинъ мой ничѣмъ во всякомъ случаѣ не рискуетъ: въ крайности онъ будетъ раздавать залежавшіяся хлѣбъ массѣ работниковъ въ счетъ пая или денежнаго вознагражденія.

Факиръ казался удовлетвореннымъ этимъ разсказомъ и, пожелавъ здоровья, пошелъ своею дорогою.

Два — три года спусти хлѣбный магазинъ, отстроенный окончательно, началъ насыпаться безъостановочно очищенною пшеницею. Золотой слонъ, дрожавшій надъ каждымъ зерномъ ея самъ переселился въ магазинъ, чтобы наблюдать за рабочими. Въ концѣ концовъ зданіе было наполнено милліономъ четвертей, хорошо высушенной пшеницы и заперты желѣзныя двери на замки, около которыхъ поставлена была несмѣнная стража рыбаковъ, обязанныхъ заниматься рыболовствомъ только въ виду магазина. Прошло нѣсколько лѣтъ. Хлѣбное зерно не повышалось въ цѣнѣ. Слонъ негодовалъ на милостиваго Аллаха, но не терялъ надежды достигнуть своего желанія.

Въ одно время, сидя на берегу моря, онъ увидѣлъ вновь того самаго факира, который когда-то накормилъ его.

— Здравствуй добрый человѣкъ — крикнулъ онъ — какой ты счастливецъ: твоя сума опять полна съѣдомаго, а я сижу весь день безъ куса хлѣба. Горе быть въ зависимости отъ скупаго хозяина!

— Всѣмъ этимъ надѣляютъ меня ищущіе вѣчнаго блаженства и я въ свою очередь дѣлюсь собраннымъ съ тѣми, которые лишены ногъ и зрѣнія.

— Завидую я и тѣмъ, которые могутъ давать тебѣ—и тебѣ, который помогаетъ несчастнымъ. О чего-бы я не далъ, чтобы наслаждаться такимъ счастьемъ!

— Надѣйся на Бога брата мой, а пока поддержи силы свои моими запасами. Кто знаетъ можетъ быть и мнѣ придется придти къ твоему порогу.

Наѣвшись до сыта, Слонь, воспользовался моментомъ, когда факиръ отвернулся и стащилъ изъ сумы его про запасъ еще два большихъ куска хлѣба.

— Ну, что твой хозяинъ? Говорятъ, что онъ окончилъ свою постройку и наполнилъ ее народнымъ потомъ со слезами пополамъ?

— Народъ всегда любитъ клеветать—отвѣчалъ Золотой Слонь—мой хозяинъ дѣйствительно очень скупъ, но ни у кого ничего насильно не отбираетъ.

— Тѣмъ лучше для него. Жалѣю я, что до настоящаго времени не могъ встрѣтиться съ нимъ.

— Если ты надѣешься на его щедроты, то я не совѣтывалъ бы искать встрѣчи съ нимъ.

— Ну, а еслибъ я предсказалъ ему въ точности то время всеобщаго голода, которое онъ ожидаетъ съ такимъ нетерпѣніемъ? Согласись самъ, что предсказаніе мое принесло бы ему громадную пользу.

— Если ты сдѣлаешь это безъ всякаго интереса, то Золотой Слонь охотно его приметъ, но если ты потребуешь вознагражденія, онъ не станетъ слушать тебя.

— Даромъ я ничего не скажу ему, потому что онъ очень много выиграетъ отъ этого. Вознагражденіе-же потребую только тогда, когда пророчество мое сбудется.

— А сколько бы ты, примѣрно, потребовалъ?

— Самое малое, сто четвертей пшеницы.

При этихъ словахъ слушатель подпрыгнулъ на мѣстѣ и расхохотался.

— Сто четвертей! произнесъ онъ, продолжая смѣяться—да при своемъ-ли ты умѣ? Возможно-ли запрашивать такое вознагражденіе за нѣсколько словъ? Мой хозяинъ во первыхъ очень разсчитливъ и наконецъ не такъ глупъ, чтобы разбрасывать состояніе, которое онъ приобрѣлъ тяжкими трудами и самопожертвованіями.

— А какъ ты думаешь: какое онъ предложить вознагражденіе безъ сожалѣнія?

— Я тѣхъ убѣжденій, что если твое предсказаніе въ дѣйствительности сбудется въ скоромъ времени, то онъ охотно дастъ тебѣ одну четверть посредственнаго достоинства пшеницы.

— Согласенъ! отвѣчалъ факиръ, такъ какъ въ то время стоимость одной четверти зерна будетъ равняться сотни четвертямъ въ наше время. Веди-же меня къ твоему хозяину.

Золотой Слонь на минуту растерялся, но потомъ поднялся и пригласилъ собесѣдника слѣдовать за нимъ къ видѣющимся вдали рыболовнымъ баракамъ. Пришедъ къ одному изъ нихъ онъ

переговорилъ съ однимъ изъ служащихъ у него и предоставилъ ему право назваться Золотымъ Слономъ и покончить сдѣлку съ факиромъ.

Уполномоченный работникъ началъ требовать отъ нищаго опредѣленія времени голода.

— Нѣтъ другъ мой ты предварительно сдѣлай мнѣ знакъ на тряпочкѣ кровью своею въ доказательство святости договора и тогда только услышишь изъ устъ моихъ пророчество.

Служитель, подъ предлогомъ не имѣнія у себя орудія для укола пальца, возвратился въ балаганъ и заставилъ хозяина самого сдѣлать рукоприкладство. Послѣ чего они оба вышли къ факиру и подали ему тряпку съ кровяными знаками.

— Теперь и я скажу вамъ мой секретъ: въ нынѣшнюю весну и до времени уборки хлѣбовъ не будетъ ни одного дождя не только въ Крыму, но по всей этой полосѣ до предѣловъ земли. Такимъ образомъ то, чего ты ожидалъ съ такимъ страхомъ и потерпѣніемъ, то наступило прежде, чѣмъ могла произойти у тебя потеря зерна, собраннаго въ большомъ количествѣ, не смотря на то, что ты подсыпалъ въ него соли для предупрежденія порчи. Прощай, я своевременно явлюсь къ тебѣ за расчетомъ. Сказавъ это, факиръ удалился.

Предсказанія нищаго въ точности сбылись. Нигдѣ въ степяхъ Крыма не видѣлось ни одной кошны ни сѣна, ни пшеницы. Домашнія животныя ревѣли, птицы улетали съ зловѣщими криками. Народъ безпрестанно зывалъ къ Аллаху и какъ-то невольно обращалъ глаза къ громаднѣйшей постройкѣ Золотого Слона, въ которой хранилась ихъ жизнь.

— Онъ навѣрно не допуститъ погибнуть нашимъ дѣтямъ съ голода—говорили поселяне и горожане; онъ навѣрно одолжитъ насъ съ умѣреннымъ вознагражденіемъ на счетъ нашихъ будущихъ благъ.

Тѣмъ временемъ Золой Слономъ изъ боязни, чтобы простонародіе не прибѣгло къ насилію, приказалъ пристроить къ кровлѣ магазина своего разныя приспособленія для предупрежденія насилія и вооружилъ всѣхъ рыбаковъ своихъ.

Съ наступленіемъ первыхъ осеннихъ дней Слонъ самъ переселился въ крѣпость свою и началъ поджидать покупателейъ. По расчетамъ его смѣло можно-бы продавать пшеницу по 30-ти червонцевъ за четверть, такъ какъ ни у кого не было запасовъ, но боясь ожесточить народъ онъ придумалъ начать продажу съ 20-ти и за тѣмъ чрезъ всякую недѣлю набавлять еще по два золотыхъ, такъ что въ самое необходимое и предпоследнее бѣдственное время надѣялся получать по 50 червонцевъ за четверть.

Естественно, что къ нему прежде всѣхъ обратились горожане и съ проклятіями платили ужасныя деньги. Затѣмъ явились иностранные мореходцы, промышленники, а въ заключеніе начали толпами являться бѣдные хлѣбопашцы, у которыхъ онъ покупалъ четверть пшеницы за кусокъ вяленой или соленой рыбы, не имѣющей въ то время никакой цѣнности.

Люди эти, не располагавшіе деньгами умоляли богача одолжить имъ хоть по одной четверти съ тѣмъ, что они въ будущемъ году привезутъ ему за одолженіе по десяти четвертей.

— Спасибо вамъ—отвѣчалъ Слоны—я не для того четыре года собиралъ мое зерно, чтобы вымѣнивать его на зерно-же. Давайте по 30 червонцевъ и просьба ваша будетъ услышана.

Народъ рыдалъ и сотнями умиралъ около стѣнъ длинной крѣпости. Новыя партіи замѣняли ихъ, въ надеждѣ поколебать чугунное сердце богача. Тѣмъ временемъ передъ магазиномъ появился извѣстный факиръ и, ставъ предъ Слономъ, потребовалъ отъ него исполненія обязательства.

— Любѣзѣйшій братъ—отвѣчалъ ему богачъ—мой хозяинъ поручилъ мнѣ сказать, что такъ какъ ты явился не во время, а когда четверть пшеницы увеличилась на 10 червонцевъ, то не иначе отпустить ее какъ получивши отъ тебя добавочные деньги.

— Но у меня нѣтъ денегъ и я умираю съ голода. А тебѣ не говорилъ хозяинъ, что я его дважды накормилъ и теперь ожидаю отъ него той-же милости.

— Хозяинъ говоритъ, что тогда было другое время.

Выслушавъ эти слова факиръ внезапно сбросилъ съ себя рубища и оказался грознымъ азыземъ (святымъ) этой земли.

— О негодный изъ всѣхъ мусульманъ! вскрикнулъ онъ — если ты такъ поступаешь съ святыми хранителями людей, то ты долженъ сію-же минуту погибнуть самою гнусною смертію въ примѣръ всему человѣчеству и отъ зданія твоего не должна остаться ни одна стѣна въ цѣлости. Сказавъ это, онъ поднялъ руку къ небу.

Въ эту минуту откуда не взялись миллионы крысъ необыкновенной величины и, бросившись въ крѣпость, моментально разнесли тѣло жестокаго человѣка, а тысячи голодныхъ людей разнесли всю постройку, что спасти себя и дѣтей своихъ отъ преждевременной смерти“.

Вотъ какую сказку сложила бабушка моя о развалинахъ при деревнѣ Казантипъ, хотя и говорить, что слышала ее отъ другихъ, но бабамъ я мало вѣрю: у нихъ сплетни, тоже что у мушкетеровъ: какъ не брей—все вылезуть!

Митридатовская гора.

Крымскіе татары, поселившись въ Крыму надо предполагать находили въ большомъ количествѣ золотыя и серебряныя вещи въ древней Пантикапее, бывшей столицѣ Босфорскаго царства *) и не зная, что цѣнные металлы эти привозились сюда греками изъ отдаленной Сибири, создали себѣ идею, что одинъ изъ Босфорскихъ царей владѣлъ какою-то таинственною травой, имѣющею свойство превращать каждый предметъ въ золото и этимъ спосо-

*) Теперешняя Керчь.

бомъ обогащаль своихъ подданныхъ. Предположеніе это въ такой степени показалось правдоподобнымъ, что поколѣнія придумали много легендъ и сказокъ о сокровищахъ, скрытыхъ въ Митрида-товской горѣ. Изъ всѣхъ ихъ въ мое дѣтство болѣе популярною считалась слѣдующая:

„Одинъ изъ пресвѣтлѣйшихъ Крымскихъ хановъ, желая отыс-кать самое вѣрное средство для обогащенія казны своей, пригла-шалъ, чрезъ глашатаевъ на совѣтъ всѣхъ ученыхъ мудрецовъ и чернокнижниковъ. Многіе поспѣшили предстать предъ свѣтлые очи могущественнаго властителя, но увы, никто изъ нихъ не могъ утолить жажды повелителя своего. Нетерпѣливый ханъ началъ уже сердиться и предавать заключенію тѣхъ, которыхъ считалъ себя умными и всезнающими, бесполезно отнимали у него сладост-ный покой.

Годъ спустя ханъ убѣдившись, что къ нему являлись только смѣлые искатели счастья и что истинныхъ мудрецовъ необходимо ему самому искать, потребовалъ министровъ своихъ и объявилъ имъ о желаніи своемъ пройти пѣшкомъ по царству съ цѣлью лич-но ознакомиться съ нуждами подданныхъ.

Министры единогласно возстали противъ этого, стараясь увѣ-рить государя своего, что нельзя надѣяться на общую распо-ложенность народа, что это неприлично державному хану и что онъ перенесетъ много непріятностей и оскорбленій. Ханъ улыбнулся и отвѣчалъ: „я хорошо знаю причины вашихъ желаній держать меня въ запертѣ; вы боитесь за себя, а между тѣмъ думаете все-лить во мнѣ мысль, что кромѣ васъ, всѣ остальные люди нена-видятъ меня, а я скажу вамъ, что тотъ только падишахъ съ удо-вольствіемъ и наслажденіемъ можетъ прожить свой вѣкъ, кото-рый постоянно сталкивается съ народомъ не какъ властитель, а въ маскѣ равнаго имъ бѣдняка“.

Сказалъ и въ тотъ-же день, переодѣвшись въ платье дервиша, вышелъ изъ дворца. До поздней ночи онъ бродилъ по безконеч-нымъ улицамъ великолѣпнаго въ то время Эски-Крыма *), под-слушивая разговоры дряхлыхъ стариковъ и веселыхъ юношей.

Всѣ почти разговаривали о немъ и его невѣроятномъ желаніи найти вѣрное средство къ обогащенію. Толки эти хотя и оскор-бляли порою слухъ хана, но онъ терпѣливо, выслушивалъ ихъ до того времени, пока кто-либо изъ говорившихъ не произносилъ имени того мага или мудреца, который, по мнѣнію его могъ-бы удовлетворить желанію хана. Записавъ нѣсколько подобныхъ именъ властитель возвратился въ сераль свой. На слѣдующій день онъ лично посѣтилъ случайно открытыхъ мудрецовъ; но изъ всѣхъ только одинъ отвѣчалъ хану, что желаніе его можетъ быть до-стигнуто, если онъ изъявитъ согласіе буквально подчиниться ему и ничего не спрашивать до времени возвращенія изъ необхо-

*) Старый Крымъ бывший нѣкогда богатый городъ, а нынѣ мѣстечко между Феодосією и Карасубазаромъ.

димой поѣздки. Султанъ поднялъ палецъ къ небу и произнесъ великую клятву: „*учь толакъ боиъ олсунъ!*“ *). Послѣ этого великій магъ Кямилъ-Джинджи, сдѣлавъ тамане (честь) своему повелителю, предложилъ собраться къ выѣзду на другой день.

Въ назначенный для выѣзда часъ явился ханъ. Джинджи, облачившись въ бѣлую одежду и прижавъ къ сердцу свою волшебную книгу, вышелъ къ повелителю на встрѣчу. Послѣ приличныхъ привѣтствій, ханъ сѣлъ съ нимъ въ арбу и выѣхалъ изъ Эски-Крыма.

— Куда мы ѣдимъ? спросилъ повелитель, когда они очутились въ степи.

— На востокъ твоего царства. Тамъ между тремя морями возвышается гора, во внутренности которой лежатъ несмѣтные богатства одного изъ древнихъ могущественныхъ государей. Объ остальномъ ты не спрашивай меня теперь, иначе мы не достигнемъ цѣли нашей.

Падишагъ вспомнилъ клятву и молча погрузился въ размышленіе. Два дня спустя арба ихъ остановилась у Митридатовой горы. Джинджи первымъ вышелъ изъ нея и, сдѣлавъ знакъ хану слѣдовать за нимъ, направился къ прославленной возвышенности. Вскорѣ онъ остановился и преклонивъ колѣни, началъ читать страшныя заклинанія. Ханъ съ трепетомъ слушалъ его. Вдругъ раздался подземный ударъ, крики тысячи голосовъ и затѣмъ предъ пораженнымъ ханомъ въ разступившейся горѣ, показались громадныя желѣзные ворота. Кямилъ подбѣжалъ къ нимъ не переставая читать. Нѣсколько минутъ спустя раздался вторичный гулъ съ трескомъ и криками и затѣмъ съ ужаснымъ скрипомъ открылись ворота.

— Султанъ иди за мной—сказалъ колдунъ, направляясь въ мрачный корридоръ. Прошедъ около 50 шаговъ они внезапно очутились въ большой комнатѣ, наполненной серебряною монетою; затѣмъ вошли въ другую, заваленную кучами золотыхъ слитковъ, въ третьей комнатѣ блистали груды крупныхъ яхонтовъ, сапфировъ, а въ четвертой—одни алмазы. Въ этой послѣдней комнатѣ на высокомъ пьедесталѣ съ бѣлаго мрамора стоялъ золотой гробъ, въ которомъ покоилась, какъ живая, молодая величественной красоты женщина. Кругомъ ея горѣло множество восковыхъ свѣчей.

Ханъ, не видѣвшій никогда подобной красавицы въ живыхъ, вскрикнулъ и началъ умолять Джинджи воскресить ее.

— Еслибъ это существо очнулось—отвѣчалъ колдунъ—то тебѣ первому пришлось-бы погибнуть, потому что ты владѣешь ея отцовскимъ царствомъ. Всѣ видѣнные нами здѣсь сокровища составляютъ ея собственность. Она приобрѣла ихъ при посредствѣ злыхъ духовъ, которыми повелѣвала, какъ ты подданными своими. Ей легко было-бы приобрести все лучшее міра, но она сосредото-

*) Да ослабнуть всѣ три печени, въ смыслѣ да лишусь я возможности имѣть женъ и дѣтей.

138/38

точила все свое вниманіе на томъ, чего ты домогался отъ меня. Сколько мнѣ извѣстно изъ таинственныхъ книгъ, она царствовала около ста лѣтъ и нисколько не измѣнила наружности. Одно- временно съ нею царствовалъ въ Кафѣ (Феодосіи) братъ ея, который никогда не принималъ пищи, приготовленной у себя, а ежедневно получалъ ее въ горячемъ видѣ со стола этой прекрасной волшебницы. Но довольно увлекаться ея подвигами, надо спѣшить дѣломъ, въ противномъ случаѣ наступитъ полночь, проснется царица и тогда намъ не будетъ пощады.“ Сказавъ это Джинджи бросился бѣгомъ въ одинъ изъ темныхъ угловъ комнаты и началъ шарить въ кипарисномъ сундукѣ.

Ханъ видѣлъ какъ онъ вынулъ изъ него небольшую серебряную коробочку, которую съ необыкновенною быстротою спряталъ за пазуху.

— Идемъ! крикнулъ колдунъ—ты достигъ желанія.

Но падишахъ не сводилъ глазъ съ красавицы.

— Вѣжимъ поскорѣ! завопилъ Джинджи—я завладѣлъ тѣмъ, чего ты потребовалъ отъ меня.

Ханъ по прежнему хранилъ молчаніе и все ближе и ближе подходилъ къ прелестной волшебницѣ.

— Султанъ мы погибнемъ—ревѣлъ въ изступленіи колдунъ. Пожалѣй себя и народъ твой,—вотъ смотри я досталъ ту траву, отъ прикосновенія которой все превращается въ золото. Теперь ты и наслѣдники твои властны будутъ превратить весь земной шаръ въ драгоценнѣйшій металлъ.

Но ханъ ничего не слышалъ.

Джинджи бросился къ его ногамъ и началъ умолять вспомнить про свою клятву.

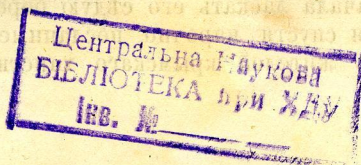
И это оказалось бесполезнымъ.

Вдругъ послышался въ отдаленныхъ гrotтахъ гулъ и очаровательное пѣніе женскихъ голосовъ. Обезумѣвшій отъ страха колдунъ схватилъ государя своего за руку и хотѣлъ насильно повлечь за собою. Но въ этотъ моментъ поднялась въ гробѣ волшебница и произнесла грознымъ голосомъ:

— Не смѣй насиловать твоего владыку жалкій воръ! Сію-же минуту возврати мнѣ то, что ты похитилъ и бѣги вонъ изъ моего жилища. Я дарю тебѣ жизнь только за то, что ты съумѣлъ ввести ко мнѣ этого славнаго падишаха,

Не успѣла она произнести этихъ словъ и взять коробочку, какъ несчастный колдунъ очутился у подножія горы. Онъ снова услышалъ страшный скрипъ желѣзныхъ воротъ и видѣлъ какъ они скрылись подъ осыпшею землею.

Съ того времени никто не подумалъ освободить несчастнаго хана изъ мрачнаго подземелья и завладѣть великими сокровищами неподобной волшебницы, покоящейся въ нѣдрахъ Митридатовской горы.

Оврагъ окаменѣвшихъ овецъ.

На Керченскомъ полуостровѣ, богатомъ древними замѣчательными памятниками и развалинами давно минувшихъ вѣковъ, существуетъ оврагъ, именуемый до настоящаго времени мѣстными татарами *хой-таиъ*-дере или оврагъ окаменѣвшихъ овецъ.

Оврагъ этотъ или проще русло рѣки проходитъ по сосѣдству деревни Хызыль-хую и очень хорошо извѣстенъ туземцамъ Крыма легендою, Богъ вѣсть кѣмъ придуманною, вѣроятно потому что въ оврагѣ этомъ встрѣчается значительное число камней, которые издали имѣютъ сходство съ отарою бѣлыхъ овецъ, въ срединѣ которой возвышается и фигура пастуха, какъ будто предавнаго дремотѣ, послѣ утомительной прогулки. Легенда эта слѣдующаго содержанія:

„У одного богача, до крайности добраго и благочестиваго, была единственная дочь, которою онъ дорожилъ выше всего на свѣтѣ. И какъ было не дорожить такимъ существомъ, которое отъ всей души предано было отцу, которое предупреждало всѣ его желанія?

Въ одинъ вечеръ старикъ замѣтилъ, что прекрасные глаза любимой дочери его полны грусти.

— Что съ тобою дитя мое? спросилъ отецъ съ сердечнымъ волненіемъ.

— Я и сама не знаю, что дѣлается со мною съ той минуты, когда ты ввелъ къ намъ Бекира. Его голосъ проникъ въ мое сердце и въ немъ живетъ; его взглядъ взволновалъ мою кровь; его станъ рисуется предо мною постоянно—словомъ я день и ночь думаю о немъ и въ немъ мнѣ чудится рай со всѣми его блаженствами.

— Понялъ, дочь моя, ты желаешь, чтобы Бекиръ былъ постоянно съ тобою, чтобы его уста прикасались къ твоимъ, чтобы онъ гладилъ твои коски, чтобы ты слышала его голосъ.

— Да, да отецъ мой, ты угадалъ тайныя желанія моего сердца. Мнѣ и самой кажется страннымъ, почему оно желаетъ этого.

— Всѣ дѣвушки въ твой возрастъ, подвергаются подобной болѣзни. Такъ ужъ назначено имъ отъ Аллаха.

— Ты сказалъ, что это болѣзнь? значитъ есть средство отъ нея излечиться?

— Есть, дочь моя, если только ты пожелаешь.

— Нѣтъ, отецъ мой, болѣзнь эта такая пріятная, что я нехотѣла-бы лечиться отъ нея.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ приходится поскорѣй выдать тебя замужъ, чтобы удовлетворить требованіямъ твоего добраго сердца. Ты знаешь, что грусть твоя вдвойнѣ печалитъ меня.

При этихъ словахъ красавица Алиме бросилась въ объятія старика и начала ласкать его сѣдую бороду.

Три дня спустя нарочно посланные глашатаи собирали всѣхъ почетныхъ жителей крымскаго ханства на свадьбу единственной

дочери Адиль-бей. Всѣмъ объявлялось, что отецъ жертвуетъ для угощенія гостей половину всего своего состоянія и что каждому посѣтителю поднесется дорогой подарокъ. И дѣйствительно всѣ прибывшіе пировали въ продолженіи сорока дней и ночей.

По окончаніи пира Адиль-бей пригласилъ новобрачныхъ и спросилъ у нихъ, что они желаютъ получить отъ него для обезпеченія своей будущности?

Бекиръ, которому извѣстно было все состояніе тестя, научилъ жену свою потребовать отъ него рѣшительно все до послѣдняго ковшика.

Адиль-бей не противорѣчилъ дочери не единымъ словомъ и отдалъ все, за исключеніемъ вѣника и гребешка, оставленныхъ старикомъ для своихъ надобностей.

На слѣдующій день новобрачные рѣшились переселиться въ Керчь, чтобы не кормить престарѣлаго отца, полученнымъ отъ него имуществомъ. Адиль-бей не только обидѣлся противъ такой неблагодарности, но изъявилъ даже желаніе сопровождать дочь свою до мѣста перваго ночлега, чтобы еще разъ обнять ихъ и призвать милости всемілостивѣйшаго Аллаха.

Къ вечеру обширный караванъ, сопровождаемый безсчетомъ отарою овецъ, пришелъ и расположился на ночлегъ въ оврагѣ, именуемомъ нынѣ Хой-ташъ-дере. По распоряженію добраго отца изъ сосѣднихъ поселеній принесенъ былъ огонь и всевозможныя яства для почтенныхъ гостей. И снова музыка загремѣла. Танцы и угощенія возобновились.

На утро проснулась Алиме и застучала въ ладоши. На зовъ ея явились служанки.

— Умыться—сказала она.

Когда приказаніе это было удовлетворено, она потребовала гребешекъ причесаться, чтобы выйти къ мужу въ приличномъ видѣ; но увы въ приданномъ ея не оказалось гребешка. Это до того возмутило Алиме, что она начала рвать на себѣ волосы и самымъ отвратительнымъ образомъ ругать и проклинать добраго отца.

Пораженный такою вопіющею неблагодарностію, несчастный Адиль-бей бросился въ палатку новобрачной и павъ на колѣни съ поднятыми къ небу руками рыдая произнесъ:

— Да постигнетъ безславіе того отца, который думаетъ въ дочери найти частицу своей крови! Тебя-же неблагодарное созданіе за твои дерзкія слова предаю въ руки шайтана и умоляю Аллаха, чтобы онъ превратилъ на этомъ мѣстѣ тебя съ мужемъ и со всѣмъ моимъ имуществомъ въ обломки скалъ для назиданія будущихъ поколѣній!

Не успѣлъ онъ произнести этихъ словъ, какъ весь караванъ исчезъ съ лица земли, а на мѣстѣ его появились кучи камней. Съ того времени оврагъ этотъ названъ туземцами Хой-ташъ-дере или оврагомъ окаменѣвшихъ овецъ.

Катара-куле или проклятая башня.

Въ Судакѣ, нѣкогда замѣчательномъ греческомъ городѣ на берегу Чернаго моря въ Тавридѣ, до настоящаго времени сохранилась высокая башня на гигантской скалѣ подъ именемъ Катаракуле. Названіе это происходитъ отъ двухъ словъ, греческаго: *проклятая* и татарскаго: *крѣпость*. Нѣтъ сомнѣнія, что укрѣпленіе это основано греками въ тѣ доисторическія времена, когда древняя Судакія была резиденціею греческихъ владѣтельныхъ князей и досталась, въ числѣ прочихъ городскихъ укрѣпленій, отважнымъ генуэзцамъ, употреблявшимъ всевозможныя мѣры къ присвоенію себѣ чужой собственности въ видѣ передѣлокъ, вставки гербовъ съ надписями и т. п. вслѣдствіе чего большинство современныхъ археологовъ заключили, что обширный судакскій замокъ есть твореніе итальянскихъ выходцевъ, тогда какъ во времена ихъ господства въ Феодосіи городокъ этотъ былъ лишенъ права торговли, охранялся ничтожною стражею и слѣдовательно не представлялъ необходимости сооружать такого рода укрѣпленій, на которыя потребовалось много лѣтъ труда и громадныя средства.

Въ такомъ предположеніи я съ особеннымъ вниманіемъ прислушивался къ легендамъ крымскихъ туземцевъ въ полномъ убѣжденіи, что рано или поздно услышу хотя въ полусказочномъ повѣствованіи, что нибудь согласующееся съ моимъ убѣжденіемъ. Въ концѣ концовъ мнѣ пришлось повстрѣчаться на южномъ берегу Крыма въ греческомъ селеніи Аутка съ священникомъ о. Григоріемъ, прослужившемъ въ этомъ санѣ 40 лѣтъ и происходившемъ отъ поколѣнія первобытныхъ іереевъ туземныхъ грековъ. Дряхлый старецъ этотъ, которому я обязанъ чрезвычайно многими преданіями объ историческихъ мѣстностяхъ Тавриды, вотъ что сообщилъ о Катара-куле:

„Отъ дѣда моего я очень часто слышалъ, что вся приморская полоса земли въ окрестности Крыма принадлежала ихъ прадедамъ, которые жили на ней счастливо и покойно до того времени, пока Константинополь не принадлежалъ Туркамъ и пока татары не укрѣпились въ нашей странѣ; что здѣсь греки имѣли свои самостоятельныя царства, княжества и республики и вели торговныя сношенія съ самыми отдаленными странами міра; что здѣсь золото цѣнилось дешевле серебра и что повсюду было огромное изобиліе въ естественныхъ произведеніяхъ, составляющихъ потребность народонаселенія. Всѣ эти удобства и блага послужили поводомъ къ основанію многихъ городовъ и селеній съ замками или укрѣпленными башнями для предохраненія семействъ отъ внезапныхъ нашествій непріятеля, но изъ всѣхъ этихъ городовъ будто славнѣйшимъ считался Судакъ недоступностію крѣпостей, воздвигнутыхъ князьями его. По разсказамъ постройка задумана однимъ изъ царевичей, выселившихся изъ Византіи съ тѣмъ, чтобы не возвращаться болѣе въ отечество. У царевича этого было три дочери божественной красоты и единственный сынъ, котораго онъ лю-

билъ до безумія. Когда онъ воцарился въ Судакѣ и покончилъ съ постройкою двухъ крѣпостей, ему вздумалось осмотрѣть окрестности своей столицы. Увлеченный прекрасными видами дальнихъ горъ архонтъ до того замечтался, что потерялъ лѣсную тропинку и заблудился. Къ вечеру онъ очутился около обширнаго грота и поневолѣ рѣшился ночевать въ немъ.

Лишь только онъ соснулъ, какъ предъ нимъ предсталъ сѣдой монахъ въ золотой митрѣ, блистающей разноцвѣтными огнями.

— Я давно желалъ тебя видѣть добрый царь — сказалъ онъ, кланяясь ему почтительно.

— А для чего я тебѣ нуженъ святой отецъ?

— Мнѣ необходимо сообщить тебѣ тайну, чтобы ты принялъ мѣры къ предупрежденію страшной бѣды. Ты лишишься всѣхъ дѣтей твоихъ, если врагу удастся восторжествовать.

Сказавъ это монахъ исчезъ.

Князь проснулся и долго думалъ, что можетъ грозить его дѣтямъ и какъ поступить, чтобы не допустить этого несчастія. Съ разсвѣтомъ, выходя изъ пещеры, архонтъ порѣшилъ перевести ихъ немедленно въ только что построенныя имъ крѣпости и окружить самыми преданными слугами.

Возвратившись домой князь потребовалъ жену и, сообщивъ ей сказанное таинственнымъ монахомъ, спросилъ ея мнѣніе. Испуганная мать одобрила постановленіе мужа и въ тотъ-же день любимый сынъ переведенъ былъ въ Катара-куле, а дочери въ Хызъ-куле *).

Въ приказаніяхъ, отданныхъ стражникамъ важнѣйшимъ считалось то, чтобы брать не знали о заключеніи сестеръ и чтобы сестры не подозрѣвали ареста брата. На случай-же, если они станутъ скучать и допрашивать почему отдалены отъ родителей и находятся подъ строгимъ надзоромъ, дать имъ понять, что княжеству угрожаетъ великая опасность, по минованіи которой ихъ сейчасъ-же возвратятъ домой.

Покончивъ съ этимъ архонтъ по прежнему занялся дѣлами и усердно молилъ Бога о сохраненіи дѣтей своихъ. Тѣмъ временемъ въ крѣпостяхъ, гдѣ просиживали его дорогія дѣти не то творилось: всѣ они изнывали отъ разлуки съ тѣми нѣжными друзьями, которыхъ любили давно. Наконецъ у нихъ не хватило силъ переносить тоски и три сестры согласились послать къ родителямъ одного изъ стражниковъ съ просьбою дать имъ свободу, въ противномъ случаѣ онъ вынужденъ будетъ умереть.

Посланный, которому показалось невѣроятною эта угроза и не хотѣлось тревожить родителей, предпочелъ дозволить тоскующимъ небольшую прогулку и свиданіе съ братомъ.

Княжны съ радостію приняли дозволеніе и бѣгомъ пустились къ брату.

*) Въ переводѣ: крѣпость дѣвъ. Этимъ именемъ она называется до настоящаго времени.

Молодой человекъ, которому извѣстно было заключеніе юныхъ и ни въ чемъ не виновныхъ сестеръ своихъ, съ отчаяннымъ рыданіемъ бросился къ нимъ въ объятія и затѣмъ посадивъ предъ собою разсказалъ слѣдующее:

„Вѣрный нашъ другъ и родственникъ вчера вечеромъ прислалъ мнѣ записку, въ которой сообщаетъ, что мы всѣ заключены въ крѣпости по подозрѣнію въ желаніи отравить отца и мать, вслѣдствіе чего и приговорены судомъ къ позорной казни. Въ подтвержденіе написаннаго онъ приложилъ заявленіе рабовъ, которые ненавидя насъ рады были обвинить всенародно. Въ заключеніе нашъ родственникъ совѣтуетъ намъ, какъ можно поскорѣе умереть честною смертью, потому что неизвѣстенъ часъ казни и не представляется возможности спасенія, такъ какъ жесквидѣтели представили даже ядъ, будто-бы приготовленный нами для родителей.

— Быть не можетъ! вскрикнули дѣвушки, хватаясь за головы.

Неужели родители наши могутъ повѣрить такой безчестной и возмутительной клеветѣ?

— Если вы сомнѣваетесь въ этомъ—возразилъ братъ—то объясните мнѣ причину нашего заключенія въ крѣпостяхъ, куда отводятся только важнѣйшіе преступники—и почему до настоящаго времени насъ не навѣстили ни мать, ни отецъ?

Сестры со вздохомъ взглянули на образъ Божіей Матери.

— Чтожь намъ дѣлать теперь? спросила старшая.

— Ничего больше какъ воспользоваться добрымъ совѣтомъ нашего родственника.

Послѣ продолжительнаго молчанія сестры рѣшились послушать брата и умереть тою-же смертью какою онъ умретъ.

Положено было всю ночь провести въ молитвѣ Творцу, а съ первыми лучами солнца взойти на вершину крѣпости и оттуда броситься внизъ на острые камни. Рѣшеніе освящено было клятвою и прощальными объятіями. Нѣсколько минутъ спустя сестры возвратились въ свою крѣпость и со слезами бросились на колѣни предъ ликомъ Спасителя.

Въ это время князь покончивъ дневныя занятія расположился на отдыхъ, но не успѣлъ онъ сомкнуть глазъ какъ предъ нимъ предсталъ тотъ монахъ въ митрѣ, который являлся въ гротѣ.

— Архонтъ—сказалъ онъ—если ты не поспѣшишь къ дѣтямъ твоимъ, то завтра съ разсвѣтомъ тебѣ придется собирать одни только обезображенные ихъ останки. Да будетъ тебѣ извѣстно также, что въ крѣпости гдѣ ты поселилъ сына, основалъ свое пребываніе и злой духъ, который желая возмутить тебя противъ Бога подготовилъ одновременно смерть всѣмъ твоимъ дѣтямъ. Проклята эта крѣпость до того времени, пока ты или наслѣдники твои не соорудятъ въ ней храмъ Божій и непрестанною молитвою не изгонятъ изъ нея вреднаго духа.

Князь въ страхѣ пробудился и поспѣшилъ къ женѣ. Ей снился такой-же сонъ. Увѣренные окончательно, что излюбленнымъ дѣтямъ ихъ грозитъ серіозная опасность, родители не смотря на

бурную, темную ночь, направились къ высокимъ скаламъ, гдѣ томились и оплакивали свое назначеніе ихъ честныя и богобоязливья дѣти.

Со страхомъ и какимъ-то ужасомъ они окликнули полусонныхъ стражниковъ и едва слышными шагами приблизились къ дверямъ, за которыми громко вопилъ несчастный юноша. Въ эту только минуту князь, убѣдившись въ справедливости сказанія таинственнаго монаха, быстро отворилъ двери, чтобы поскорѣе утѣшить дорогаго наслѣдника, но этотъ стукъ и внезапное появленіе въ поздній часъ ночи родителей до того подѣйствовали на юнаго царевича, что онъ лишился разсудка. Таже участь постигла и дочерей, вообразившихъ, что пришли требовать ихъ къ позорной казни.

Тяжкія событія эти не менѣе жестоко поразили нѣжныхъ родителей, которые въ отчаяніи ломали себѣ руки и готовы были броситься въ пучину морскую. Къ счастью подоспѣлъ таинственный монахъ и, прикоснувшись къ каждому страждущему, заставилъ ихъ очнуться отъ болѣзненныхъ припадковъ; затѣмъ благословивъ ихъ на долгую и счастливую жизнь, онъ поднялъ глаза къ крѣпости, гдѣ сидѣлъ княжескій сынъ и трижды произнесъ проклятіе.

— *Катара!* Катара! повторили за нимъ и всѣ присутствующіе.

Вотъ съ того-то времени — заключилъ священникъ — крѣпость эта носитъ названіе „Катара-куле“ или проклятой башни и названіе это не забудется въ устахъ туземцевъ до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ послѣдній отъ нея камень.

Старо-крымскія легенды.

Ни одна мѣстность въ Тавридѣ не послужила къ выдумкамъ такого множества легендъ, какъ развалины нѣкогда знаменитаго Старо-Крыма, описаннаго нами довольно подробно *). Удивляться этому не приходится тѣмъ, кто знаетъ историческую судьбу этого города и кто знакомъ съ впечатлительностію туземцевъ, смотрѣвшихъ на прошлое, какъ на время жизни миѳическихъ героев и чудесъ, утратившихъ навсегда свои преимущества съ паденіемъ мусульманскаго господства въ Европѣ.

До 1859 года или до послѣдней эмиграціи татаръ, легенды эти разсказывались даже дѣтьми во всѣхъ сосѣднихъ деревняхъ эски-Крыма и для любителя такого рода преданій не представлялось затрудненія собрать ихъ нѣсколько десятковъ. Намъ также легко было это сдѣлать, но къ сожалѣнію мы не предполагали, что послѣдуетъ выходъ изъ Крыма лучшихъ татаръ и съ ними вмѣстѣ исчезнутъ легендарныя повѣствованія изъ страны.

Вотъ все то, что мы случайно сберегли отъ того времени, когда окрестныя деревни Старо-Крыма были въ первобытномъ положеніи и счастливые татары еще не испытали ужасныхъ тяготъ Крымской войны.

*) См. I, III и IV т. нашего Унив. Опис. Крыма.